



У КОЛЫБЕЛИ НОВОРОЖДЕННОЙ МУЗЫ

Он играл на радио стариков, и молодых, и даже женские роли, — бабу, ягу, например, в сказке об Ивашке, где пел вкрадчивым голосом:

*Ивашка, мой дружок,
Сойди на бережок:*

Я тебе есть и пить принесла-а-а...

Переиграл он много медведей — и злых и добрых, — и разных собак, и птиц. Приходилось ему исполнять роли не только людей и животных, но даже вещей, что живут в сказках: старое кресло либо шар в «Волшебнике изумрудного города». И всюду Абдулов достигал той исключительной убедительности, когда не сомневаешься, что попугай — всамделишный, и именно тот, гвинейский, а не какой-нибудь там бразильский; что пружины у кресла натружены, оно стонет, как большой старик; а у волка сегодня насморк.

У Осипа Наумовича была живейшая фантазия и какая-то детская вера в подлинность всего, что происходит с ним на сцене или перед микрофоном.

Дорогие ребята! Каждый день вы слушаете передачи, подготовленные специально для вас большим коллективом работников детского радио. Есть передачи, живущие в эфире четверть века. Их слушали еще ваши мамы, но и сегодня эти передачи остаются верными спутниками ребят. Для многих из вас знакомство с искусством, с творчеством больших актеров и режиссеров началось у радио-приемника: бесстрашный Дон-Кихот, верные в дружбе члены Клуба знаменитых капитанов, чистый и доверчивый Маленький Принц, остроносый Буратино и самоотверженная Суок — это всё щедрый талант, добрая фантазия драматургов, режиссеров и актеров, любящих детей. Многие из них уже нет среди нас, но всё новые и новые поколения ребят отдадут свои симпатии вечно живым образам. Сегодня мы начинаем рассказ о людях радио, посвятивших свое творчество детям.



Он провикал в самую суть воплощенного им образа. Какая, казалось бы, психология может быть у рваной калоши? А вот режиссер Золотницкий рассказывает, что, когда ставили на радио музыкальную комедию Демья-

на Бедного «Утиль-богатырь», в которой Абдулов играл роль деда-раешника, одна из репетиций застопорилась оттого, что исполнитель арии «рваной калоши» никак не мог найти краски для этой роли.

— А вам известна ее биография? Кто ее носил? Как она дошла до жизни такой? — лукаво улыбаясь, спросил Осип Наумович. — Задок у нее, конечно, совершенно стоптан, а носок отделяется от подошвы вот так... — И Осип Наумович, сложив ладони, показал, как чавкает калоша по грязи. Все расхохотались, ария зазвучала совсем по-другому.

Одной из любимейших передач детей и взрослых в течение многих лет был «Клуб знаменитых капитанов». Осип Наумович играл Тартарена из Тараскона. Недавно передачу возобновили по многочисленным просьбам радиослушателей. В новый текст вмонтировали прежние пленки, и «Клуб» зазвучал так, словно опять собрался из радиорубки старые капитаны, и Немо — Названов, и Хованский — Мюнкаузен, и Абдулов — Тартарен...

Для совсем юных Абдулов — уже история советского радиоскуства. Не многие помнят, как возникло у нас художественное радиовещание. Вначале появилась неведомая штукавина в

То ли сила убеждения подействовала (недаром Осип Наумович в это время заканчивал юридический факультет МГУ, совмещая учебу с работой), то ли перевесил аванс в виде трешки, заранее врученный будущей знаменитости, но старик дал согласие и вошел в студию в самый последний момент. Времени прорепетировать уже не было. Был страшный мороз. Старик откашлялся снать тупуп. Из-под надвинутой на лоб шапки поблескивал недоверчивый взгляд.

Включили микрофон. Доклад о рожечниках был гладко прочитан знатоком народного искусства. Абдулов объявил исполнителя.

Упирившегося старика подвели к микрофону. Он поднес рожок ко рту... И, о ужас! Раздались какие-то жалкие, отрывистые звуки, в лучшем случае напоминавшие завывание испорченного водопроводного крана. После третьей тщетной попытки извлечь из рожка мелодию старик смачно сплюнул и сказал:

— Мороз... Застыл, понимаешь, рожок-то!

Микрофон не успели выключить... Много подобных эпизодов приходилось слышать от Осипа Наумовича, потому что он обладал обостренным чувством юмора. Этот юмор сверкал во всех образах, созданных им на радио. — особенно таких, как «Кола Брюньон», «Бравый солдат Швейк», «Ходжа Насреддин», и во всех его режиссерских радиопостановках, а их было очень много.

Елизавета АБДУЛОВА

На снимках: Осип Наумович Абдулов у микрофона (фото 1947 года); так записывался в 1948 году «Клуб знаменитых капитанов». В первом ряду первый справа — О. Н. Абдулов.

Фото А. ЛЕВИНА



виде неуклюжего бочоночка, установленного в маленькой комнатке в Лефортове. Там и была первая в Союзе станция имени Коминтерна, открытая в январе 1924 года. Об этой технической диковинке — микрофоне — было известно одно: включишь — и тебя услышат в самых отдаленных уголках нашей земли. Похоже на телефон, только слушает тебя не один человек, а множество, сам же ты никого не видишь и не слышишь. Абдулов был одним из тех, кто стоял у самой колыбели новорожденной музыки радиоскуства. Ему едва минуло 23 года, но за его плечами уже числилась немалая толика ролей в театре, отмеченных публикой и прессой. Довольно скоро он усвоил главное правило — перед микрофоном надо читать как можно проще, вернее, не читать, а рассказы-

вать, как если бы рядом сидели живые люди. Об этих первых поисках ощупью новых путей создано много забавных легенд и историй. Вот одна из них. Постепенно Абдулов так увлекся, что стал привлекать на радио других актеров, певцов, музыкантов. Руководство, видя его энтузиазм, охотно шло ему навстречу. Часто, спеша на радиопередачу, Осип Наумович встречал у Разгуляя живописного старика, игравшего на рожке. Музыка эта показалась Абдулову такой самобытной, своеобразной, что он предложил на радио позвать старика для выступления перед микрофоном. Идея понравилась, руководство пригласило знатока русской народной музыки подготовить серьезный доклад о владимирских рожечниках.